

ЛЮБОВЬ ЛИЗАЛОВА

РОЛЬ УЧЕТА ПРАГМАТИЧЕСКОГО АСПЕКТА В ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА С ЧЕШСКОГО НА РУССКИЙ

Исходя из того, что перевод определяется как передача содержания подлинника средствами иноязычной знаковой системы, и зная, что обязательной передаче в процессе перевода подлежит сохранение денотативного, коннотативного и прагматического значений плана содержания, мы поставили перед собой задачу проследить, в каком соотношении при переводе газетных текстов и диалогов на бытовые темы в условиях преподавания русского языка как иностранного студентам-филологам находят вышеназванные компоненты.

Напомним, что денотативное значение связано с описанием реальных предметных ситуаций и явлений, коннотативное значение — с функционально-стилистической и экспрессивной окраской выражения, а под прагматическим значением теоретики перевода понимают отношение между языковыми знаками и лицами, использующими систему этих знаков. Необходимо подчеркнуть, что прагматическое значение плана содержания переводимой информации различными получателями воспринимается специфическим образом, и что специфичность их восприятия строится на учете национально-исторических, социально-культурных, психологических и других различий между получателями оригинального и переводного текста (подробно об этом см. А. Д. Швейцер, *Перевод и лингвистика*, М., 1973 и И. Левы, *Искусство перевода*, Прага, 1973).

Как показала практика, переводчики склонны к полному игнорированию учета прагматического компонента, что нередко влияет на передачу других значений переводимого высказывания. Происходит так главным образом в результате того, что часто пренебрегается необходимым требованием, предъявляемым к переводчику, а именно — четким представлением о том, с какой целью делается перевод, на кого он рассчитан, кто получатель и кто отправитель переводимой информации. Это влечет за собой неправильное отношение к слову, которое воспринимается лишь как знак другой языковой системы, отражающий тот же предмет или явление исходного языка. Сосредоточив все свое внимание на передаче денотативного значения переводимого материала, заключающегося в подстановке лексико-грамматических единиц одного языка лексико-грамматическими единицами другого, прагматический аспект, как, впрочем, и коннота-

тивный, переводчик отодвигает на задний план или вообще не включает его в работу. Причин непоследовательности учета всех компонентов плана содержания при переводе несколько. Одна из них заключается в том, что уже на начальном этапе подготовки переводчиков им предлагается лексический материал, подаваемый лишь в форме константных соответствий, не снабженных комментарием коннотативного и прагматического характера. В результате в переводе на русский язык появляются варианты типа:

Скажите, пожалуйста, сколько платят за письмо за границу?

Письмо в заморские страны стоит 6 крон.

Одолжите мне ваше письмо, я его взвешу.

Ваш друг заполнил квитанцию?

Данные примеры касаются перевода диалога, происходившего на почте. Мы не касаемся проблем перевода примеров речевого этикета, также отражающих прагматический характер отношений носителей языка. Приведем несколько примеров, касающихся перевода диалога на тему „Учеба, образование“:

— Так что, твой брат поступил в школу?

— Да, конечно, в этом году он кончает первый курс.

— Сходи за мелом к школьному сторожу.

— После сдачи экзамена на аттестат зрелости, студенты имеют возможность выбрать вуз с техническим, университетским, педагогическим или художественным образованием (направлением).

Примеры, касающиеся перевода текста, связанного с покупками и отдыхом:

— Дайте, пожалуйста, килограмм гладкой (или обыкновенной) муки.

— Свой рабочий день наши люди могут закончить отдыхая и развлекаясь в вечерних и ночных предприятнях.

На первый взгляд может показаться, что приведенные примеры — результат обычной лексической интерференции (школа — вместо вуз, студент — вместо выпускник или учащийся, квитанция — вместо бланк, университетское направление — вместо гуманитарное, одолжите — вместо дайте, дайте-ка, гладкая мука — вместо мука первого сорта и т. д.). Однако при более глубоком исследовании обнаруживается, что это интерференция несколько другого порядка, что это перенос специфики национально-культурной традиции и исторического опыта носителей одного языка на иноязычную почву представителей другой этнокультурной общности посредством единиц близкой им знаковой системы.

Носитель чешского языка с целью узнать стоимость чего-либо может задать вопрос и в форме *kolik (co) stojí?*, и в форме *kolik se platí?*, для носителя же русского языка в данном контексте типична лишь форма „сколько стоит?“ Вопрос „сколько платят?“ требует специального контекста, например: „Сколько вам платят за ваше подобострастие?“

Если для чешской языковой традиции характерен широкий охват сферы сочетаемости глагола *půjčit* см., например, *knihu, šaty, pero, kolo, peníze, dopis* (aby se zjistila váha), *taneční sál*, то языковая традиция русского языка допускает сочетание глагола „одолжить“ лишь с существительным „деньги“. Приведенные выше, явно неправильные в прагматическом отношении, варианты перевода необходимо было заменить следующими вариантами:

Вместо — Сколько платят за письмо? — Сколько стоит письмо (или марка на письмо)?

— Сходи за мелом к школьному сторожу — Сходи за мелом к нянечке или в учительскую.
 ... в вечерних и ночных предприятиях — ... в вечерних и ночных кафе и т. д.

Если исходить из того, что мы понимаем под прагматическим значением плана содержания, то со словом, как главным носителем и выразителем прагматических отношений между отправителем и адресатом необходимо работать иначе. Перевод любого речевого произведения — это не просто нахождение смыслового эквивалента, „обозначающего те же явления действительности, — как говорит А. Д. Швейцер в названной выше работе на стр. 242, — а выражение тех функциональных соответствий, которые способны вызвать у иноязычного получателя реакцию, сходную с той, которое данное сообщение вызывает у тех, кто воспринимает его в подлиннике“.

Переводчик поэтому должен знать, что „семантика слова лексическим понятием (совокупностью семантических долей, обеспечивающих узнавание и именование соответствующего предмета или явления) не ограничивается“ (см. об этом Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Лингвистическая теория слова, М., 1980, стр. 178), что в семантику слова входит и так называемый лексический фон, который связан с присутствием тех или иных ассоциатов в слове, что в свою очередь ведет к расхождению в употреблении слова и к особенностям его сочетаемости с другими словами в контексте различных языков.

Так, с позиции лексического фона слова ШКОЛА и ŠKOLA уже не могут считаться эквивалентными, поскольку у русских и чехов они ассоциируются по-разному: у русских — это тип учебного заведения, осуществляющего общее образование, а также здание, где помещается это заведение, в то время как у чехов — это все виды учебных заведений, включая вуз, гимназию, техникум, курсы иностранных языков, в том числе и здания. Как показывает пример, в данном случае можно говорить о том, что у чешского слова больше фоновой информации, чем у русского, что и „дает право“ переводчику-чеху употребить его там, где традиция носителя языка оригинала этого не позволяет. Приведем другой пример: ШКОЛЬНЫЙ СТОРОЖ и ŠKOLNÍK. Предлагая эту пару в качестве эквивалентов, авторы словарных статей отражают лишь частичное сходство лексических понятий — лицо, занимающееся вопросами хозяйственных дел школы, — но совершенно не принимают во внимание полное различие лексических фонов данных семем, различие их семантических долей, отражающих свое, особое специфическое, национально-культурное. В переводе это приводит к расхождению семантических структур слова, что в свою очередь ведет к недоразумению, к нарушению границ возможного. Дело в том, что школьный сторож исполняет свои обязанности в основном вечером и ночью и ничего общего с мелом не имеет, он охраняет школу, отвечая за ее порядок в ночное и внешкольное время. ŠKOLNÍK же — это и заведующий хозяйственной частью школы, это и ее сторож, он и лицо, отвечающее за техническое состояние школы и за ход ее работы.

В своей статье мы попытались подчеркнуть и показать, насколько важна и необходима при переводе прагматическая адаптация исходного текста для оптимальной реализации перевода как коммуникативного акта.

K PRAGMATICKÉMU ASPEKTU A JEHO VÝZNAMU V PŘEKLADECH Z ČESTINY DO RUŠTINY

Při jakémkoli překladu je nutno vyjádřit denotativní, konotativní a pragmatický aspekt významů obsahového plánu překládaného textu. Zkušenosti z překladatelské praxe ukazují, že se právě pragmatická komponenta překladu často zcela ignoruje, což působí negativně na překlad dalších významů překládaného výroku.

Autorka na řadě příkladů ukazuje, že se slovem jako hlavním nositelem pragmatických vztahů mezi odesílatelem a příjemcem nutno pracovat jinak. Překladatel si musí uvědomit, že sémantika slova není omezena jen lexikálním pojmem, ale že do této sémantiky patří i tzv. lexikální pozadí, které je vyjádřeno různými „asociáty“ v tom kterém slově, což má za následek jeho odlišné použití v různých jazycích a diference v jeho spojení s jinými slovy v kontextu.